



ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

1. Посѣщеніе академіи г. Министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве.—2) Магистерскій диспутъ М. П. Кобрина.

12 Апрѣля, въ 12 ч. ночи, въ Сергіевъ посадъ прибылъ вновь назначенный Министромъ внутреннихъ дѣлъ д. т. с. Вячеславъ Константиновичъ фонъ-Плеве, чтобы здѣсь, въ обители препод. Сергія, испросить себѣ высшей помощи и благословенія на предлежащее ему отвѣтственное и трудное служеніе. Въ этихъ молитвахъ Министра у гроба великаго печальника земли русской близкое участіе приняла и Московская Духовная Академія. На другой же день, поклонившись мощамъ угодника и выслушавъ царскіе часы въ Троицкомъ соборѣ Лавры, г. Министръ сдѣлалъ визитъ Преосвященному Арсенію, Ректору Академіи, который привѣтствовалъ высокаго гостя сердечными пожеланіями всякаго успѣха на предстоящемъ ему многотрудномъ служеніи.

Въ послѣдовавшей затѣмъ бесѣдѣ, г. Министръ интересовался положеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ Академіи, количествомъ профессоровъ и студентовъ, свѣтскихъ, монашествующихъ и вообще имѣющихъ священныи санъ, и т. п. Бесѣда касалась и тѣхъ печальныхъ современныхъ явленій, которыя, къ великому прискорбію, отражаются и на учащемся юношествѣ. Въ заключеніе высокій посѣтитель сказалъ Преосвященному Ректору: „Вы стоите во главѣ такого заведенія, которое должно быть устроено среди колеблющейся вокругъ почвы“, и съ своей стороны пожелалъ Преосвященному всякаго успѣха въ его дѣятельности. Послѣ бесѣды, г. Министръ въ сопровожденіи Преосвященнаго ос-

матривалъ актовъ залъ Академіи, отличающійся многими въ историческомъ отношеніи весьма цѣнными предметами.

Въ три часа пополудни началась великая вечерня въ трапезной церкви Лавры. Богослуженіе совершалъ Преосвященный Ректоръ Академіи, въ сослуженіи о. Намѣстника Лавры, о. казначея Лавры архим. Нікона и многочисленной лаврской братіи. Почетный богомолецъ прибылъ къ самому началу службы и шелъ въ крестномъ ходу, при перенесеніи Святой плащаницы въ Троицкій Соборъ. По окончаніи богослуженія, Преосвященный Ректоръ отдалъ визитъ г. Министру въ покояхъ митрополичьихъ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе. Здѣсь, въ разговорѣ съ Преосвященнымъ, г. Министръ выразилъ желаніе присутствовать въ академическомъ храмѣ за всенощнымъ бдѣніемъ. Служба на великую субботу въ Академіи начинается, по издавна заведенному обычаю, въ началѣ 8-го часа вечера. Къ этому времени изъ Академіи за г. Министромъ были посланы два студента Академіи 4 курса: М. Войцѣховичъ и С. Лебедевъ, которые и должны были состоять при немъ во время пребыванія его въ Академіи и давать нужныя объясненія. Въ храмѣ Министру было отведено мѣсто среди студентовъ, такъ называемое „инспекторское мѣсто“. Академическое богослуженіе, отличающееся обыкновенно торжественностью, въ этотъ день, если такъ можно выразиться, было сугубо торжественно. Этому торжеству способствовала и сама по себѣ чудная, „единственная“ служба, и многочисленный сонмъ академическаго духовенства во главѣ съ Преосвященнымъ, и соотвѣтствующая обстановка уютнаго академическаго храма, прекрасное художественное, осмысленное пѣніе академическаго хора, множество молящихся съ зажженными свѣчами.

Канонъ пѣли на срединѣ священнослужители во главѣ съ Преосвященнымъ. Простое, обиходное пѣніе ирмосовъ священнослужителями чередовалось съ пѣніемъ хора въ чудной композиціи. Тропари на канонѣ читалъ самъ Преосвященный. Все богослуженіе было совершено безъ всякой спѣшности и безъ всякихъ пропусковъ. Настроеніе молящихся не ослабѣвало. Не смотря на то, что богослуженіе продолжалось почти четыре часа, время прошло совершенно незамѣтно. По окончаніи богослуженія г. министръ, въ сопровожденіи студентовъ, отправился въ свои покои.

Еще разъ молитвенное общеніе съ высокимъ гостемъ Академія раздѣлила въ первый день Свѣтлаго Воскресенія Христова, когда г. министръ изъявилъ желаніе отстоять литургію послѣ утрени, на которой онъ присутствовалъ въ Лаврѣ. Въ академическомъ храмѣ литургія началась въ 3-мъ часу утра. Нѣтъ надобности описывать радостную торжественность пасхальнаго богослуженія, но какъ особенность, исключительно свойственную Академіи, слѣдуетъ отмѣтить чтеніе Евангелія. Въ настоящемъ году Евангеліе читалось на слѣдующихъ языкахъ: греческомъ, еврейскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, сербскомъ, болгарскомъ, славянскомъ и русскомъ. Литургія кончилась въ началѣ пятаго часа. По выходѣ изъ церкви, г. министръ почтилъ Пресвященнаго своимъ посѣщеніемъ и вмѣстѣ съ сыномъ и о. инспекторомъ разговлялся у него въ квартирѣ за скромнымъ монашескимъ столомъ. Во время трапезы г. Министръ говорилъ, между прочимъ, и о томъ высокомъ религіозномъ утѣшеніи, какое онъ получилъ отъ Лаврской и академической службъ въ такіе великіе дни, а также—о благовоспитанности студентовъ Академіи, судя по тѣмъ студентамъ, которые приставлены были къ нему. По окончаніи трапезы, высокій гость, напутствуемый самыми искренними благожеланіями Пресвященнаго Ректора и благодарностью за посѣщеніе Академіи и молитвенное общеніе, отправился прямо на вокзалъ для слѣдованія на югъ Россіи.

Подъ вліяніемъ добрыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ г. Министромъ отъ Академіи и лицъ, окружавшихъ его, онъ вскорѣ послалъ Пресвященному Ректору въ даръ изданное подъ его редакціей прекраснѣйшее сочиненіе подъ заглавіемъ: „Государственный Совѣтъ. 1801—1901 г.“ (юбилейное изданіе) и большой портретъ съ собственноручною подписью. Не были забыты и студенты, сопровождавшіе его. Имъ были присланы также, черезъ Пресвященнаго Ректора, съ собственноручною подписью кабинетные портреты.

Вечеромъ 25 апрѣля въ большой аудиторіи происходилъ магистерскій диспутъ.

Диспутантъ—Михаилъ Петровичъ Кобринъ преподаватель обличительнаго богословія, исторіи и обличенія русскаго раскола въ Холмской духовной семинаріи. Изъ краткаго

curriculum vitae, прочитаннаго въ началѣ диспута, узнаемъ, что М. П. сынъ умершаго крестьянина села Стенжицы, Красноставскаго уѣзда, Люблинской губерніи; среднее богословское образованіе онъ получилъ въ Холмской семинаріи, высшее въ Московской академіи, которую окончилъ магистрантомъ въ 1897 году; на должность преподавателя семинаріи опредѣленъ приказомъ Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 25 іюня 1898 года.

На соисканіе магистерской степени М. П-чъ представилъ свое библейско-археологическое изслѣдованіе „День очищенія въ ветхомъ завѣтѣ“ (Холмъ. 1902 г. стр. VI+235+VII. Цѣна безъ перес. 1 р. 50 к., на лучшей бумагѣ 1 р. 75 к.). Содержаніе книги слѣдующее. Послѣ введенія, въ которомъ опредѣляется значеніе темы и характеръ изслѣдованія, авторъ разбираетъ въ I главѣ возраженія отрицательной критики противъ единства и подлинности 16 главы книги Левитъ, гдѣ содержится законъ о днѣ очищенія. Глава II посвящена объясненію слова זִכְרֹן . Глава III представляетъ изложеніе и изъясненіе постановленій Моисея относительно дня очищенія; глава IV трактуетъ о происхожденіи и значеніи дня очищенія; въ V содержится объясненіе словъ ап. Павла: „за второю завѣсою была скинія, называемая святая святыхъ, имѣвшая золотую кадильницу“ (Евр. IX, ст. 3—4). Книга снабжена двумя указателями, — мѣстъ Священнаго Писанія, приводимыхъ въ сочиненіи, и предметнымъ указателемъ.

Официальные отзывы о диссертациі М. П. Кобринна читатель найдетъ въ протоколахъ Совѣта Академіи за 1900 г. (стр. 310—317 при декабрьской книжкѣ Бог. В-ка 1901 года).

Въ своей небольшой рѣчи диспутантъ указалъ на задачу труда—выяснить значеніе и происхожденіе обрядовъ дня очищенія, разобрать теоріи западныхъ изслѣдователей, относящихся происхожденіе изучаемаго праздника къ послѣплѣнному періоду, доказать самостоятельное (а не заимствованное изъ Египта) происхожденіе обряда. Сочиненіе носитъ археологическій характеръ; догматической (точнѣе — богословской) стороны оно не касается. Диспутантъ старается выяснитъ эту сторону вопроса своей рѣчью. Послѣ грѣхопаденія человѣкъ сталъ нечистъ, а для союза съ святымъ Богомъ ему требовалась чистота. Чтобы облегчить путь къ

достиженію такого состоянія и установленъ былъ день очищенія, которое требовалось самымъ существомъ ветхо-завѣтной религіи. День очищенія давалъ еврею возможность ежегодно очищаться отъ личныхъ грѣховъ и грѣховныхъ привычекъ, не искореняя врожденной грѣховности природы; очищеніе закаляло нравственныя силы человѣка въ борьбѣ со зломъ и способствовало достиженію ветхозавѣтной праведности. Но эта праведность не была полной. Совершеннаго оправданія не приносили кровавыя жертвы-животныхъ, по сознанію евреевъ для него была бы недостаточна принесенная въ жертву человѣческая природа. Такимъ путемъ возникало сознаніе невозможности исцѣленія человѣческой природы помимо Невинной Жертвы. Такъ обрядъ очищенія приводилъ ветхозавѣтныхъ людей ко Христу, вѣрою въ котораго и очищались ихъ грѣхи.

Официальными оппонентами были профессоръ В. Н. Мышцынъ и и. д. доцента П. В. Тихомировъ.

Проф. Мышцынъ началъ свои возраженія критикой рѣчи. Онъ замѣтилъ, что рѣчь носитъ схоластически-отвлеченный характеръ, она мало уясняетъ сущность грѣха и очищенія. Диспутанту слѣдовало бы выяснитъ значеніе жертвы и очищенія по воззрѣнію ветхаго завѣта, а не по современнымъ догматическимъ системамъ,—а это вопросъ сложный и трудный. Его экскурсы не вяжутся съ тѣмъ матеріаломъ, которымъ авторъ располагалъ при изслѣдованіи, и потому они не выясняютъ нисколько внутренней сущности обряда очищенія, что нельзя было обходить ему и въ изслѣдованіи.

Дальнѣйшія возраженія проф. Мышцынъ направилъ противъ II главы книги и подвергъ внимательному разбору толкованіе труднаго слова *זָבַח*¹⁾. Изъ многочисленныхъ пониманій этого термина г. Кобринъ принимаетъ то, которое раздѣляется многими нѣмецкими комментаторами: „для злого духа“. Остальныя толкованія (въ томъ числѣ перевода

¹⁾ *Левитъ XVI, 8—10*: „И броситъ Ааронъ обѣ обоихъ козлахъ жребіи: одинъ жребій для Господа (*לַיהוָה*), а другой жребій *לְזָבַח* (син. пер.— для отпущенія); и приведетъ Ааронъ козла, на котораго вышелъ жребій для Господа, и принесетъ его въ жертву за грѣхи, а козла, на котораго вышелъ жребій для отпущенія (тоже слово), поставитъ живого предъ Господомъ, чтобы совершить надъ нимъ очищеніе и отослать въ пустыню для отпущенія (тоже слово).

LXX и русскаго синодальнаго перевода) онъ оспариваетъ. Проф. Мышцынъ подвергаетъ критикѣ основное положеніе и аргументацію г. Кобринъ въ этомъ отдѣлѣ (особ. 53—73 стр. книги). Этимологически, по производству данное слово значить „удаляемый, отдѣляемый“, потомъ: „удаленіе, отпущеніе“. Но къ діаволу не подходитъ ни страдательная форма, ни настоящее время; онъ самъ удалился, а не былъ удаленъ; объ этомъ событіи надо говорить въ прошедшемъ времени. Гораздо лучше примѣнить это слово къ козлу или понимать овлеченно въ смыслѣ—„для отпущенія“, „для удаленія“. Г. Кобринъ не признаетъ послѣдняго толкованія между прочимъ потому, что въ этомъ параллелизмѣ („для Господа—для отпущенія“) лицо противопоставляется отвлеченному понятію, что невозможно. Но оппонентъ утверждаетъ, что такой параллелизмъ встрѣчается во всѣхъ языкахъ („одного козла я оставилъ для себя, другой для продажи“). Притомъ же въ этомъ мѣстѣ нельзя признать параллелизма въ содержаніи („жертва для Господа — жертва для злого духа“), а только въ формѣ. Диспутантъ усматриваетъ тавтологію въ выраженіи „отсылается для отпущенія“, но тавтологіи здѣсь нѣтъ, какъ доказываетъ проф. Мышцынъ. Свое пониманіе разбираемаго слова г. Кобринъ подтверждалъ между прочимъ тѣмъ, что въ пустынѣ, куда удалялся козель, по библейскому представленію жили злые духи. Но оппонентъ заявляетъ, что такое воззрѣніе грубое и приточное, чуждо библіи.—Кромѣ того: на сторонѣ того пониманія, котораго держится диспутантъ, стоятъ неавторитетныя лица (авторъ книги Еноха, гностики, Юліанъ Отступникъ); на сторонѣ же оспариваемыхъ имъ толкованій авторитетныя древніе переводчики—Акила, Симмахъ, LXX, Иеронимъ.—Пониманіе г. Кобринъ „для злого духа“ вноситъ непреодолимыя затрудненія въ догматическое объясненіе обряда. Ап. Павелъ (Евр. X, 1—10) довольно ясно выражаетъ мысль, что жертвоприношеніе козла въ день очищенія прообразовало крестную смерть Спасителя. Іоаннъ Креститель называетъ Спасителя Агнцемъ Божиимъ, вземлющимъ грѣхи міра (Іоан. I, 29), паралл. 2 Кор. V, 21: „Ибо не знавшаго грѣха Онъ сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ“. Исаія говоритъ: „Онъ взялъ наши немощи и понесъ наши болѣзни“ (LIII, 4). По святоотеческому пониманію козель, на котораго возлагались грѣхи

Израиля, прообразоваль Мессію. Нельзя сказать, что козель отпущался къ діаволу, такъ какъ діаволь по общебиблейскому представленію никакой роли не играетъ въ дѣлѣ оправданія. И зачѣмъ бы нужны были грѣхи людей діаволу? Это не жертва, а вмѣнять ихъ ему было бы прямо несправедливо. Общая мысль разбираемаго мѣста такова: грѣхи стали тамъ, гдѣ нѣтъ грѣховъ. — Наконецъ въ доказательство защищаемаго толкованія проф. Мышцынъ ссылается на параллельный дню очищенія обрядъ—обрядъ очищенія прокаженныхъ, описанный въ XIV гл. кн. Левитъ. Физическая нечистота, какъ и нравственная въ ветхомъ завѣтѣ очищалась жертвой. Въ данномъ случаѣ брались двѣ птицы, одна закалалась, другая окроплялась кровью заколотой и отпущалась въ поле внѣ города. Существенной разницы между обрядами нѣтъ, неважное различіе только въ томъ, что при очищеніи прокаженныхъ не было жребія. И вотъ въ послѣднемъ обрядѣ мы видимъ удаление одной птицы (какъ въ первомъ козла), но объ удаленіи къ злему духу нѣтъ рѣчи.

Послѣднее замѣчаніе проф. Мышцына касались двухъ страницъ (105 и 117) III главы книги, составляющихъ комментарий къ 12—13 ст. XVI главы Левитъ. „Жертвенникъ, который предъ лицомъ Господнимъ“ по соображеніямъ оппонента жертвенникъ кадильный, а не всесожженія, какъ доказывается въ книгѣ г. Кобрина. Это видно изъ сопоставленія даннаго мѣста съ 18 ст. IV гл. кн. Левитъ: „и возложить крови на роги жертвенника, который предъ лицомъ Господнимъ въ скиніи собранія, а остальную кровь выльетъ къ подножію жертвенника всесожженій, который у входа скиніи собранія“. Здѣсь подъ жертвенникомъ предъ лицомъ Господнимъ несомнѣнно разумѣется жертвенникъ кадильный.

Въ заключеніе оппонентъ заявилъ, что диссертация производитъ пріятное впечатлѣніе; это — добросовѣстный и вполне приличный трудъ.

И. д. доцента П. В. Тихомировъ, напомнивъ свой официальный отзывъ о диссертации М. П. Кобрина, гдѣ указаны достоинства работы, дающія безспорное право на получение имъ ученой степени, и отмѣчены недостатки, общаетъ въ своихъ возраженіяхъ примѣрами иллюстрировать нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ, отмѣченныхъ въ отзывѣ въ общемъ видѣ.

Оппонентъ находитъ неудачной формулировку одной изъ задачъ изслѣдованія,—стр. III введенія: „Въ западной богословской литературѣ распространилось мнѣнiе, будто 16 гл. кн. Левить, неподлинна въ своемъ теперешнемъ видѣ. Въ виду этого мы должны прежде всего доказать подлинность 16 гл. кн. Левить, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы не имѣли бы подѣ собою твердой почвы“. вмѣсто самостоятельнаго обсужденія и разсмотрѣнiя историческаго памятника и ученой литературы о немъ, значить вопреки всѣмъ требованiямъ здоровой научной методологiи, диспутантъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность непременно опровергнуть взгляды своихъ предшественниковъ, непременно доказать подлинность даннаго ему для изслѣдованія памятника. Соображенiе, что „въ противномъ случаѣ мы не имѣли бы подѣ собою твердой почвы“, странно: „твердая почва“ для пониманiя и истолкованiя историческаго памятника — научное выясненiе условiй его происхожденiя и состава, тогда какъ диспутантъ а priori отвергаетъ всѣ результаты научныхъ изысканiй, этимъ то путемъ и думая сохранить подѣ собою „твердую почву“. Оппонентъ отказывается вложить какой-нибудь смыслъ въ исканiе твердой почвы изслѣдователемъ, когда онъ разсуждаетъ, что, допуская происхожденiе памятника (16 гл. Левить) въ V в. до Р. X., онъ лишается твердой почвы, а отстаивая его принадлежность къ эпохѣ странствованiя евреевъ по пустынѣ онъ стоитъ на твердой почвѣ.

Убѣжденный а priori въ несостоятельности научныхъ воззрѣнiй своихъ противниковъ, диспутантъ вдается въ ихъ опроверженiе, что съ его точки зрѣнiя является излишнимъ. И какому дѣлу служить онъ своимъ изслѣдованiемъ? Не наукѣ, которая чуждается предзанятости, требуетъ безпристрастiя и не допускаетъ *petitio principii* въ самой постановкѣ задачи. Не церкви, потому что она нуждается въ научной защитѣ своей истины, а не въ откровенно провозглашаемомъ пренебреженiи къ наукѣ, или въ тенденціозной адвокатурѣ, способной лишь скомпрометтировать ея дѣло предѣ невѣрующими, которые подумаютъ, что авторъ открыто борется противъ науки. Если диспутантъ искренно убѣжденъ въ необходимости отстаивать традиціонный взглядъ, то онъ не долженъ былъ провозглашать этого съ такою откровенностью.

Диспутантъ на это отвѣчалъ, что его убѣжденіе покоится не на апіорныхъ основаніяхъ, а является результатомъ предварительнаго изученія вопроса. Свое введеніе онъ писалъ уже установивъ взглядъ на вопросъ.

Отъ формулировки задачи оппонентъ переходитъ къ ея исполненію. Доказана ли въ изслѣдованіи подлинность 16 гл. Левитъ? Оппонентъ нигдѣ почти не находитъ положительнаго обоснованія этого тезиса, — вмѣсто этого критика и больше ничего. Но критиковать можно все, особенно гипотезы если предъявлять къ нимъ непомерныя требованія аподиктической достовѣрности. Опроверженіе гипотезъ должно быть сообразно съ ихъ природой: какъ выводы вѣроятныя, приблизительныя онѣ опровергаются показаніемъ невѣроятности ихъ или возможностью иного лучшаго объясненія дѣла. Въ изслѣдованіи же г. Кобринъ нѣтъ ни того ни другого: его критика сводится къ голословнымъ заявленіямъ по поводу разныхъ мнѣній, что это не необходимо такъ. Но такимъ путемъ можно упразднить самую безспорную исторію.

Попытка дать положительное обоснованіе подлинности 16 гл. Левитъ въ сравненіи съ основаніями противниковъ (правоту которыхъ оппонентъ защищать не думаетъ) слаба; мнѣнія западныхъ ученыхъ она нисколько не поколебала. Самое вѣрное рѣшеніе вопроса о времени происхожденія дня очищенія и 16 гл. Левитъ авторъ выводитъ изъ основного пункта Моисеевой религіи, изъ ученія о святости Божіей и сознанія грѣховности и нечистоты своей человѣкомъ: сама религія требовала установленія дня очищенія; въ противномъ случаѣ былъ бы пробѣлъ въ ней (стр. 18). Послѣ методологическихъ соображеній относительно неудачности такой аргументаціи оппонентъ доказываетъ это наглядно. Если идея святости требуетъ очищенія, то этимъ сказано мало: она требуетъ освященія и былъ бы пробѣлъ въ ветхозавѣтной религіи, еслибы въ ней не было средствъ освященія—нашихъ таинствъ?!.. Затѣмъ: идея святости извѣстна еще въ патриархальной религіи,—значить у Авраама, Исаака и Иакова долженъ былъ уже существовать день очищенія?!

Далѣе оппонентъ обращается къ разбору доводовъ западныхъ изслѣдователей противъ Моисеевской древности 16 гл. кв. Левитъ. Оказывается, что г. Кобринъ не замѣчаетъ труд-

ностей борьбы съ этими учеными, не чувствуетъ, насколько серьезна позиція его противниковъ. Для примѣра оппонентъ беретъ гипотезу Графа, Майбаума, Велльгаузена, Рейса и др., настаивающую на позднемъ происхожденіи 16 гл. кн. Левить во всемъ ея составѣ. Нѣкоторые доводы надо признать очень значительными: именно,—что въ послѣдующей еврейской священной литературѣ день очищенія совершенно не упоминается, хотя другіе праздники упоминаются. Argumentum a silentio не изъ сильныхъ доказательствъ, но бываетъ молчаніе выразительное, знаменательное, краснорѣчивое. День очищенія не упоминается 2 Парал. VIII, 13; 2 Парал. VII, 7—9 (ср. 3 Цар. VIII, 2, 65), гдѣ слѣдовало бы упомянуть о немъ, особенно у Нееміи VIII, 1—18. При опроверженіи этихъ доводовъ автору приходится вдаваться въ софистику или встрѣчаться съ камнями преткновенія. Событіе, описанное у Нееміи, падало на то время, когда слѣдовало праздновать день очищенія, между тѣмъ объ этомъ не упоминается; г. Кобринъ то пишетъ, что евреи забыли отпраздновать день очищенія съ радости, тогда какъ современное положеніе ихъ было далеко не радостнымъ; то утверждаетъ, что праздникъ былъ хорошо извѣстенъ евреямъ, о немъ напоминали и печальныя событія (тогда—тѣмъ болѣе странно не отпраздновать дня очищенія): то наконецъ указываетъ объясненіе, почему не праздновался тогда этотъ день,—будто бы потому, что у евреевъ въ то время—въ 444 г. не было храма (?!). Между тѣмъ храмъ былъ возстановленъ гораздо ранѣе и въ 516 году освященъ.

Значительны и вѣски основанія и другихъ гипотезъ—Орта, Бенцингера и Дильмана, отвергающихъ единство, т. е. логическую сопринадлежность 16 гл. кн. Левить. Опровергая ихъ доводы, г. Кобринъ всюду настаиваетъ на принадлежности всѣхъ частей данной главы къ первоначальной редакціи кн. Левить—къ тому, что ученые называютъ Priestercodex (кодексъ священническій); онъ простодушно стремится согласиться съ заявленіемъ своихъ противниковъ, что та или иная часть главы принадлежитъ къ первоначальной редакціи Priestercodex'a (стр. 35, 42). Но первоначальная редакція Priestercodex'a, по мнѣнію ученыхъ появилась въ V в. до Р. X.; поэтому признаніе подлинности въ устахъ этихъ ученыхъ не означаетъ авторства Моисея. Такимъ об-

разомъ изслѣдователь не знаетъ силъ и позиціи противника и попадаетъ въ засаду.

Въ заключеніе своихъ замѣчаній на критико-экзегетическую часть изслѣдованія П. В. Тихомировъ предлагаетъ диспутанту свое мнѣніе, какъ ему слѣдовало бы положительнымъ образомъ воспользоваться результатами ученой критики 16 гл. кн. Левитъ. вмѣсто того, чтобы упорствовать противъ очевидности, отвергать всякую цѣнность критическихъ изысканій, слѣдовало бы, взвѣсивъ, что есть въ нихъ прочно обоснованнаго, согласиться съ этимъ. Въ послѣдующей за Пятюкнижемъ литературѣ празднованіе дня очищенія нигдѣ не упоминается, даже тамъ, гдѣ надо ожидать этого упоминанія. Зачѣмъ спорить, будто это ничего не значить? Почему бы не согласиться, что послѣ Моисея этотъ день дѣйствительно не праздновался, по крайней мѣрѣ съ тѣми своеобразными обрядами, какіе есть въ 16 гл. Левитъ? Неисполненіе закона не говоритъ противъ его существованія: не праздновался же праздникъ кущей отъ дней Иусуса Навина до 444 г. со всѣми его обрядами. Почему же бы не праздноваться дню очищенія? Западные ученые объясняютъ, что закона не было (16 гл. неподлинна), но можно, допуская подлинность ея и извѣстность до плѣна, объяснить, почему ея постановленія не исполнялись. Законъ о днѣ очищенія существовалъ въ другой редакціи, чѣмъ 16 гл. Левитъ, именно въ XXIII гл. 27—32 ст. той же книги. Послѣдняя редакція соотвѣтствуетъ 16 гл. 29—34 *a*, а остальнаго ритуала не знаетъ (козлы, кропленіе и пр.). Принимая во вниманіе, что соотвѣтственно 23 гл. 27—32 ст. и 16 гл. 29—34 *a* праздновалъ день очищенія Соломонъ (2 Парал. VII, 7 и слѣд. 3 Цар. VIII, 2 сл. особ. 65). можно признать, что законъ о днѣ очищенія составляютъ стихи 29—34 *a*, а стихи 1—28, 34 *b* иѣчто совершенно иное... Въ такомъ случаѣ 1—28, 34 *b* надо признать за описаніе единичнаго факта, имѣвшаго мѣсто по поводу преступленія Надава и Авіуда (доказательства: въ ст. 1 говорится объ Ааронѣ, а не въ вообще о священникѣ, какъ въ 32; стихъ 1 даетъ слишкомъ специальный мотивъ, чего не бываетъ при другихъ законахъ, поэтому и церемоніи 1—28, 34 *b*—специальный фактъ въ родѣ мѣднаго змія и др.). Такъ вся задача разрѣшилась лишь экзегетически. Что же разрушается такимъ взглядомъ?

Не преданіе о Моисеевомъ авторствѣ, а лишь одна изъ экзегетическихъ фикцій раввиновъ; христіанство и догматика нисколько не страдаютъ. Итакъ западные ученые поучительны и своими ошибками. Не надо ихъ слѣпо опровергать, а лишь указывать истинное значеніе ихъ выводовъ.

Въ заключеніе П. В. Тихомировъ сказалъ, что несмотря на указанные недостатки диссертация М. П. Кобринна имѣетъ значительную научную цѣнность. Это единственное специальное изслѣдованіе по вопросу о днѣ очищенія не только въ русской, но и въ европейской литературѣ.

На предложенныя возраженія, диспутантъ давалъ послѣдныя объясненія и защита признана Совѣтомъ академіи удовлетворительной.
